

«Знахарь и кочующий поэт»: заговоры, заклинания и молитвы Варвары Малахиевой-Мирович

Алексей Валерьевич Коровашко

(Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского:
Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23)

Аннотация. В статье рассматривается та часть поэтического наследия Варвары Малахиевой-Мирович, которая представляет собой стихотворные тексты, претендующие, по замыслу автора, на полную функциональную тождественность с реальными восточнославянскими заговорами и заклинаниями. При этом устанавливается, что Варвара Малахиева-Мирович позиционировала себя не только как лирического поэта, сохраняющего верность художественным канонам Серебряного века, но и как прямого наследника «псковских кудесников», практиковавших когда-то различные виды магических практик и обладавших ярко выраженными сверхъестественными способностями. Схожая антимомичность является регулятивным принципом всего творчества Варвары Малахиевой-Мирович, нейтрализующего традиционные оппозиции низменного и возвышенного, устного и письменного, фольклорного и книжного, интуитивного и дискурсивного. Стихотворные заговоры Варвары Малахиевой-Мирович тяготеют к единому сюжету (движение протагониста к состоянию целительного сна), оперируют устойчивыми формулами народной магической поэзии, обнаруживают близость к жанру колыбельной песни и активно используют образную систему русского символизма. Вместе с тем в художественном сознании Варвары Малахиевой-Мирович стихотворные заговоры достаточно четко отделены от таких смежных жанровых форм, как молитвы и заклинания. Именно заклинания в творческом наследии Варвары Малахиевой-Мирович минимально соприкасаются с фольклором и максимально приближаются к символистским литературным опытам. Однако и в тех случаях, когда словесные магические эксперименты Варвары Малахиевой-Мирович мало напоминают воссоздание аутентичных заговорных текстов, они в полной мере сохраняют суггестивность и способность оказывать fascinatingное воздействие.

Ключевые слова: заговор, заклинание, молитва, магия, символизм.

Дата поступления статьи: 3 июня 2020 г.

Дата публикации: 25 сентября 2020 г.

Для цитирования: Коровашко А. В. «Знахарь и кочующий поэт»: заговоры, заклинания и молитвы Варвары Малахиевой-Мирович // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 3. С. 95–107.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2020.21.3.008>

Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович (1869–1954) прожила 85 лет, что неожиданно много для человека, факти-

чески никогда не имевшего собственного угла, сколько-нибудь стабильного заработка и терзаемого множеством болезней.

Филологам она преимущественно известна как автор довольно большого числа критических статей на литературные и театральные темы (основная их часть опубликована в журнале «Русская мысль» в 1909–1910 гг.), примерно десятка детских книжек, выходявших с 1926 по 1930 г. (вот некоторые из их названий: «Мячик-прыгунишка», «Шутки-прибаутки», «На зеленой травке», «Бабушкин пирожок»). При жизни В. Г.¹ была издана только одна книжка ее «взрослых» стихов — сборник «Монастырское» (написан в 1915 г., опубликован в 1923 г.). Оценки «взрослого» творчества В. Г. разнятся: иногда ее считают эпигоном символизма, автором стандартных декадентских безделушек, но иногда, что крайне неожиданно, объявляют предтечей «лианозовской школы», т.е. таких поэтов, как Генрих Сапгир, Игорь Холин, Ян Сатуновский и Всеволод Некрасов. Кроме того, В. Г. вспоминают как переводчика книги Уильяма Джеймса «Многообразие религиозного опыта» (1910, совместно с Михаилом Шиком). Стоит отметить, что при чтении дневников В. Г. (они дошли до нас не все, но объем их впечатляет) становится очевидно, что она была полноценным религиозным мыслителем (философом-мистиком), наблюдения и суждения которого сопоставимы и с христианской доктриной Симоны Вейль, и с философией «ответственности», развивавшейся, в частности, Михаилом Бахтиным.

Но важнее всего в наследии В. Г. ее «сопутничество» с другими людьми. Достаточно сказать, что она была музой философа Льва Шестова и возлюбленной видного политика Андрея Шингарёва (правда, на момент знакомства с нею еще только доктора), сподвижника Милюкова, поочередно занимавшего пост министра земледелия и финансов во Временном правительстве. Она — духовная мать, если так можно выразиться, Даниила Андреева («зам. сына») и знаменитого актера Игоря Ильинского. Долгие годы В. Г. была одним из самых близких людей

для другой театральной легенды — Аллы Константиновны Тарасовой.

Поэтическое наследие В. Г. огромно. Его дошедшая до нас часть включает в себя примерно 4 тысячи стихотворений. Среди этих стихотворений особое место занимает цикл «Заговоры», написанный в августе 1920 г. в Москве и состоящий из десяти текстов.

О силе их воздействия красноречиво говорит запись в дневнике В. Г. от 18 апреля 1931 г.: «(Подруга. — А. К.) читала мои “Заговоры” одной знакомой крестьянке. Та сказала: “приезжай с ними к нам в деревню — тебе холста, яиц и всего дадут”. Этим она высказала уверенность, что заговоры мои действительно могут прогонять боль, лечить болезнь. Я и сама так думала, когда они у меня родились. И сила их, конечно, не моя — сила всего рода псковских кудесников. И язык — не мой. Недаром Ф. А. Д<обро>в, тонко-филологического склада человек, когда ему впервые прочли их, выдав за фольклор, сказал: “Вот это я понимаю — никакой интеллигент так не скажет: “Лед на лед, гора на гору, сполох играет, белухов вызывает”» [Малахиева-Мирович 2015]².

Та же самая уверенность в «перформативности» созданных ею текстов отражена и в записи от 19–20 мая 1952 г.: «Мои заговоры, о которых покойный друг мой — д<окто>р Д<обро>в со своим “гомерическим смехом” говорил, приняв их за кем-то найденный обрывок народного творчества (так я ему сказала в шутку, прочтя ему это мое произведение): Да ведь после этих заговоров докторам делать нечего!»

Прежде чем перейти к характеристике, анализу и интерпретации «Заговоров» В. Г., затронем вопрос о родословной их автора, о, скажем так, биологическом измерении написанных ею художественно-заклинательных текстов.

Псковские кудесники, о которых В. Г. часто упоминает в своих дневниках (5 июня 1945 г. она, например, пишет, что каждой весной ее, как и «пращуров-кудесников»,

¹ Для удобства, говоря о Варваре Малахиевой-Мирович, мы будем использовать ее инициалы — В. Г.

² Здесь и далее дневники ВММ цитируются по одному и тому же изданию и без указания страниц, но с обозначением даты конкретной записи. Добавим, что, вопреки комментаторам дневников ВММ, белухи, упомянутые во фразе, так восхитившей Ф. А. Доброва, в данном случае не тождественны белугам, а представляют собой именно белух, т.е. зубатых китов из семейства нарваловых.

неодолимо тянет бродить по дремучим лесам и побережьям светлых озер Псковской земли), называя их своими предками, не могут быть, условно говоря, задокументированы. Скорее всего, апелляция к ним — это художественный прием, но прием особого рода: *В. Г.* не выдумала присутствие этих кудесников в своей генеалогии, а ощутила и почувствовала как некий мистический факт, обладающий тем не менее статусом реальности. Иногда *В. Г.* называет своих предков «псковскими ушкуйниками», что говорит о том, что она не совсем четко представляла разницу между разбойниками, колдунами и прочими разрядами древнерусского люда.

Но с Псковской землей реально связан дед отца *В. Г.* — схимник Малахий (Малахия). В своем дневнике она пишет, демонстрируя способность «вчувствования» в мысли и ощущения людей, живших задолго до нее: «Около 50 лет <Малахия> провел в лесной пещере недалеко от г. Острова Псковской губ. Как это ни странно, я точно знаю, как он там жил, во все времена года, в особенном колорите их, как плакал и тужил о грехах своих — в первые пещерные годы — и как нашел в безмолвии пещерном дорожку от плача к Радости. И полюбил людей, которых раньше не умел любить. И тогда явился у него дар исцелять болезни — наложением рук. Дар, в какой-то мере передавшийся мне (у меня так называемый “электромагнетический массаж”» (22 мая 1949 г.).

Об экстрасенсорных способностях *В. Г.* мы подробно скажем чуть позже, а пока отметим, что в ее родословной есть и другие генеалогические «курьезы».

Так, о бабушке она пишет: «Бабушка с маленькими глазами, с большим лбом, с седыми локонами, спрятанными под черную шапочку. Сказочница, молитвенница, патриотка и лакомка. Хорошо рассказывала, как она, дочь крепостной девки и графа Орлова, воспитывалась во дворце его полубарышней» (2 ноября 1933 г.). Может возникнуть ощущение, что бабушка была сказочницей примерно в том же духе, что и Арина Родионовна, но на самом деле она не столько прививала внукам любовь к русскому фольклору, сколько потчевала их литературными сказками французского изготовления («Из сказок почему-то особенно пленяла нас “Царевна — ослиная шкура”, должно

быть, за ее лунное и солнечное платье», — добавляет *В. Г.* в той же записи от 2 ноября 1933 г.; «Ослиная шкура» — это, как известно, сказка Шарля Перро).

Запись от 13 октября 1944 г. проливает свет на личность дедушки *В. Г.*: «Вино для меня — соблазн. Сказываются предки-кутилы — графы Орловы по материнской линии и родной дедушка — страдавший запоем дегустатор, тоже сын какого-то титулованного помещика и крестьянки».

Перечисленные факты позволяют сделать вывод об антиномичности, присущей личности *В. Г.*, причудливо соединявшей архаические черты крестьянского мироощущения с элементами высокой культуры дворянского типа, генетическую память о фольклорных жанрах с огромной осведомленностью в нюансах новейшей литературы, подспудно тлеющую страстность с искренними порывами к аскетичному существованию, полному добровольно принятых самоограничений.

Теперь о сверхъестественных способностях *В. Г.*, о пресловутом «электромагнетическом массаже» и родственных ему вещах. Здесь сразу же нужно сказать, что важнейший элемент духовной «конституции» *В. Г.* — это теософия конца XIX — начала XX в. Именно ее присутствие многое объясняет в таких, например, пассажах: «Когда я берусь лечить кого-нибудь из близких “массажем астрального тела” — это, конечно, тоже вмешательство в их судьбы, но это единственная форма вмешательства, на какую я смею решиться. И это мне дано, это не мое. Я тут орудие. Сознание моей недостойности этого дара мешает мне последние годы лечить так часто и так успешно, как я осмеливалась это делать раньше. Раньше, когда приближением руки к чьей-нибудь голове я останавливала зубную боль или жестокую мигрень (в некоторых случаях мигрень совсем излечивалась), во мне не звучал этот вопрос, какой подымается в последние годы: кто ты, смеющийся лечить наложением рук, как лечили святые люди?» (28 февраля 1931 г.).

Но теософия мирно соседствует у *В. Г.* с христианством, примерно так же, как патриотизм ее бабушки — с французской модой и литературой: «Узнав о том, что тяжело заболела — воспаление брюшины — Евгения Сергеевна Готовцева (бывшая Женя Смирнова)», *В. Г.* пишет: «Если

бы я могла коснуться губами ее лба и облегчить касанием (приближением) рук ее боль. Может быть, это помогло бы и выздоровлению. Но ведь не пустят, не пустят меня туда. Попробую “полечить” на расстоянии. Здесь надо мысленно окружить одр болящего непрерывным (по возможности) сосредоточенным о нем предствоянием. В христианстве это проводится в Таинстве Елеосвящения. Я знаю ряд случаев, когда облегчались страдания больного и сама болезнь исцелялась» (29 декабря 1939 г.).

В некоторых записях факт сверхъестественного лечения просто констатируется, не сопровождаясь религиозными или философскими рассуждениями: «Сегодня и вчера “лечила” Ивана Михайловича Москвина. Утишилась боль, улучшилось самочувствие (у него воспаление нервных корешков в области шеи и головы). Потом полечила голову Леонилле. Капля удовлетворения, скрасившая пустыню безработности. Истомилась душа по ощущению нужности, занятости, работы» (15 января 1940 г.).

Как известно, почти любой магический акт представляет собой симбиоз слова и действия. Справедливо это и по отношению к тем сеансам «астрального массажа», которые неоднократно проводила В. Г. Она их, насколько можно судить, не сопровождала произнесением каких-то дополнительных магических формул, но «за скобками» всех ее пассажей руками и мысленных прикосновений к телу человека угадывается присутствие стандартной заговорной формулы «Не я помогаю». Во всяком случае, в автокомментариях к своим опытам в сфере целительства В. Г. проговаривает именно ее, пусть порой и достаточно витиевато, как в этом отрывке: «Всю жизнь идет со мной рядом репутация вдовства. Смолоду “belle sorcière” (прекрасная колдунья — А. К.) (как называл меня один из приколдованных). Потом просто sorcière. Теперь — старая колдунья. Но, как это ни странно было бы услышать создававшим мою колдовскую репутацию, — я не только не “колдую”, но иногда изо всех сил противлюсь тем силам, во мне живущим, которым хочется “ткать паутину свершений из огня моего бытия” (из одного стихотворения моей молодости). Особенно теперь, в старости, когда до конца осознала тшета

и опасность “своеволия” там, где ткуются нити человеческих судеб и в общемировом пути, и в каждой отдельной человеческой жизни. Когда я говорю внутренне или вслух: “я так хочу” для кого-нибудь из близких или далеких, или целых народов, или для себя, само собой прибавляется из глубины моего существа: “если такова твоя воля, Отец”» (14 июля 1940 г.).

Попав в больницу в конце Великой Отечественной войны, В. Г. и там пыталась следовать своей миссии «лечения телесных и духовных недугов человеческих и напутствия душ, разлучающихся с телом», сохраняя понимание того, что через нее лишь происходит эманация каких-то высших сил: «А сейчас, пока не зажгли люстру и дневной свет обратился в зеленый сумрак, надо подняться наверх к параличной, которая ждет меня каждый день с верой, что мои руки восстановят омертвевшую половину ее тела. Ей лучше — но я нисколько не приписываю это себе. Если и есть тут нечто от меня идущее — это лишь мое появление и мое желание, чтобы она выздоровела. Остальное — ее вера. И воля, и сила — отнюдь не моя» (26 июля 1944 г., 8 часов вечера).

Хотя В. Г. вслед за любой практикующей знахаркой могла бы произнести «Не я помогаю» (и добавить: «А Бог, Богоматерь, святые, таинственные высшие силы»), ее всегда мучило осознание того, что она недостойна быть передатчиком этой целительной силы; недостойна в силу малой любви к людям, личной греховности и т. д. В каком-то смысле вся ее жизнь — это движение от формулы «Не я помогаю» к формуле, точнее, вопросу: «Кто я такая, чтобы помогать?» Это подтверждают и фрагмент уже цитированной дневниковой записи («Кто ты, смеющийся лечить наложением рук, как лечили святые люди?»), и другие признания, содержащиеся в дневниках: «Там <...>, где я сама бралась провести “курс” лечения, вмешивалось — “разленение”, “саможаление” (под разными предложениями) — страх перед напряжением, усилием и все то же забвение и нечувствие, т. е. недостаток деятельного сопереживания той нужды в моей помощи, какую ощущали во мне порой люди <...> ...И когда осеняла меня — в течение полусотни лет раз десять — требовательно осеняла накопившаяся энергия заняться лечением

(вставал в памяти ряд случаев облегчения и полного излечения “массажем” без прикосновения рук в стиле Мэри Эдди Беккер) с помощью рук (в них и сейчас вот чувствую прилив целительных сил), я начинала что-то предпринимать — сил хватало и на писание и чтение, и на театры, и на переезды из города в город. Во всех этих процессах глохнул и забывался намеченный цикл нужных для людей целебных усилий с моей стороны. Ближе знакомые со мной врачи определяли каким-то медицинским термином это мое свойство — как и беспокойные метания по свету, боязнь вrastания в одно место, — но я-то лучше всех врачей знаю теперь, что во всем виновата скудость любви к ближнему и к дальнему» (23 января 1952 г.).

Но вернемся к циклу «Заговоры». Трудно согласиться с мнением Татьяны Нешумовой, что произведения, вошедшие в него, обладают «типичным для магических заклинаний образным строем и практической направленностью» [Нешумова 2013, 497]. Дело в том, что прямых аналогов ни одному из заговоров, написанных В. Г., в русской (славянской) заговорно-заклинательной традиции обнаружить нельзя.

В нем, однако, присутствует то, что Юрий Кнорозов называл фасцинацией³, а литературоведы, например Александр Веселовский, называют суггестивностью⁴. Функциональная направленность всех десяти заговоров вместе с тем не указана: они просто пронумерованы, и ни один из них не сопровождается указанием, ради чего он предназначен («от зубов», например, или «от тоски»). Можно только догадаться, что заговоры 1–6 и 9–10 предназначены для избавления от всех разновидностей телесной боли, заговор 7 — от широко понимаемой «хвори» (фактически от всех болезней); а вот заговор 8 вообще, по сути дела, не имеет тематической направленности и не содержит каких-либо призывов, пожеланий или приказов.

Примечательно, что девять заговоров из десяти подчиняются, если разобраться, общему архисюжету⁵. Особняком стоит заговор 6, в котором реализуется такой заговорный мотив, как отсылка болезни. Остальные заговоры, в том числе и внетематический заговор 8, представляют собой движение протагониста к состоянию целительного сна. Это движение осложняется либо введением ритуально-диалога (заговоры 2 и 5), либо мотивом

³ По определению Кнорозова или, что точнее, по одному из определений, сформулированных в самой первой его печатной работе, развивающей тезисы предшествующих конференционных выступлений, фасцинирующим свойством обладают те словесные сообщения, которые, будучи уже принятыми, вызывают у адресата желание получить их «дважды и более» [Кнорозов 2018, 36]. Ритмически повторяющиеся речевые конструкции особенно часто вызывают фасцинацию, широко используемую для усыпления и приведения адресата в состояние гипнотического сна» [Кнорозов 2018, 34–35]. Ю. А. Шрейдер, излагая построения Кнорозова для широкого круга читателей, охарактеризовал фасцинацию как дополнительный компонент текста, создающий у адресата «некий настрой, установку на взаимопонимание» [Шрейдер 1974, 61]. Ю. А. Шрейдер указал также, что «механизмы фасциации тесно связаны <...> с ритуальностью коммуникационных процессов» [Шрейдер 1974, 63] (существование ритуального аспекта у заговоров и заклинаний в доказательствах, пожалуй, не нуждается). Другой популяризатор идей Кнорозова, А. Е. Войсунский, напомнил, что слово «фасцинация» встречается «во многих языках и означает волшебство, обаяние, чары». Например, «фасцином называли в древнем Риме амулет, защищающий людей, стада или посевы от “глаза”» [Войсунский 1982, 70]. В настоящее время термин «фасцинация» используется в разнообразных контекстах, но ядром его значения остается свойство какого-либо знака или сигнала не просто доносить до человека информацию, но и побуждать его к действиям, перенастройке собственного сознания, мироощущения, состояния и т. п.

⁴ Заимствовав термин «суггестивность» из английской эстетики, А. Н. Веселовский употреблял его для характеристики тех поэтических формул, образов и сюжетов, которые «вызывают вечно новые подсказывания и работу мысли с нашей стороны» [Веселовский 1940, 71]. «Подсказывания», судя по всему, были для А. Н. Веселовского равнозначны способности порождать множество ассоциаций и стимулировать читательское воображение.

⁵ Под архисюжетом мы, вслед за А. К. Жолковским и Ю. К. Щегловым, понимаем событийный компонент глубинной структуры любого корпуса текстов, объединенных по какому-либо тематическому принципу (подробнее об архисюжете см.: Жолковский, Щеглов 1994, 127–128; Жолковский, Щеглов 2016, 13–14).

уничтожения (изоляции) болезни или отрицательного начала (заговоры 7 и 8), либо уже упомянутым мотивом отсылки болезни, использованным, однако, не изолированно, а в сочетании с предшествующим мотивом (заговор 3).

Не имея возможности скрупулезно проанализировать каждый заговор интересующего нас цикла (это привело бы к выходу за пределы допустимого объема статьи), разберем подробно самый первый заговор. Вот его текст:

Змея Змеёвна
 Ползет неровно
 С горы на угорье
 Далеко на взморье.
 Змея Змеёвна
 Большим-больша;
 Болит голова,
 Болит спина,
 Все позвоночки:
 Первый, второй,
 Пятый, десятый,
 Девяностый, сотый.
 С кошки на кочку
 Ползет неровно
 Змея Змеёвна,
 То в круг совьется,
 То разовьется,
 На озере Лаче
 В песок завьется.
 На озере Лаче
 Песок горячий.
 Спят на песочке
 Все позвоночки,
 Спят, не болят,
 Болеть не велят
 [Малахиева-Мирович 2013, 108].

Композиция стихотворения такова: движение протагониста (строки 1–4) — диагноз, сопровождаемый перечнем частей тела, откуда изгоняется болезнь (строки 5–12), — сеанс заговорной псаммотерапии (строки 13–21) — гипнотерапевтическая концовка, рисующая погружение в состояние целительного сна и выполняющая функцию заговорной закрпки (строки 22–25).

Мы уже сказали, что прямых аналогов «Заговорам» В. Г. нет. Однако они напрямую вырастают из сквозных мотивов ее лирики, взятой как единое целое.

Некоторые из этих мотивов и создают, соединяясь, «тело» текста «Змеи Змеёвны».

Так, сон в поэтической вселенной В. Г. — преддверие спасительной смерти, что обусловлено ее онтологическим взглядом на мир (душа человека, созданная благом Богом, томится в «клетке» тела, созданного злым началом; избавить душу от тела может только смерть; сон является регулярной репетицией смерти, ее «пилотной версией»). Змея, стремящаяся к состоянию сна или застигнутая смертью, — частый гость в стихах В. Г.: «Это ветер, ветер позёмный / Гонит блеклый лист золотой. / Это к зимней постели укромной / Проскользнула змея на покой...» [Малахиева-Мирович 2013, 29] (1913), «И стала с ней и я не я, / А подколодная змея, / С раздавленными позвонками / И яд струящими зубами» [Малахиева-Мирович 2013, 134] (10 ноября 1923 г.).

Не менее часто сон-смерть в стихах В. Г. соседствует с песком (тут нельзя не вспомнить мифологический образ Песочного человека): «Кудрявый плотничек Гриша / На припеке спит, на песке. / Уснуть бы ему под вишней / В моем цветнике...»; «На песках могилу вмиг вскопают. / Дешево могильщики возьмут. / А потом, когда земля оттает, / Может, крест поставит кто-нибудь» [Малахиева-Мирович 2013, 55] (26 декабря 1929 г.); «Неба не видно в подземной пещере. / Камни, песок без воды... / Воют вокрут невидимые звери, / Ветер завял дороги следы. // Братец Иванушка, братец мой милый, / Поздно следов и дороги искать. / Сердце уснуло и все позабыло, / Любо ему под землей остывать» [Малахиева-Мирович 2013, 175–176] (1920); «Как в сердце иногда, бесплодном и сухом, / Видение царит возлюбленного лика, / Так вознеслась над мертвенным песком / Здесь, на холме, душистая гвоздика. // И тем прелестней белые цветы, / Тем упоительней их сон благоуханный, / Что места нет для красоты / В пустыне этой безымянной» [Малахиева-Мирович 2013, 192] (1917); «А вдали пески пустыни / И прохладный рай Бурну⁶. / В час, когда пески остынут, / Может быть, и я усну» [Малахиева-Мирович 2013, 288] (23 апреля 1922 г.).

Даже в момент первотворения песок образовывал нечто вроде алтаря, о чем

прямо говорится в начальном стихотворении из цикла «Первое утро мира» (весь цикл написан в Москве за один день — 3 февраля 1921 г.): «В первое утро мира / Слетелись эльфы / На крылах стрекозиных / На пещаный холмик, / Где розовый вереск / Кадил ароматами / Росного лада-на...» [Малахиева-Мирович 2013, 119].

Некоторые заговоры анализируемого цикла (2 и 3) заканчиваются не просто описанием сна (желаемого или случившегося), а императивной формулой, характерной для такого жанра, как колыбельная песня («Спи»).

Колыбельные мотивы с обязательной «усыпительной» формулой наличествуют во многих стихах В.Г., которая не только работала в сфере детской литературы, как уже говорилось, но и выступала иногда в качестве няньки. Зачастую эти мотивы находят воплощение в текстах, название которых совпадает с соответствующей жанровой дефиницией. К таким текстам относятся, в частности, «Колыбельная» 1916 г., адресованная Даниилу Андрееву («Молнии с неба слетают. / Молнии землю пронзают / Синим, лиловым огнем. / В пламени сад твой и дом. // Не спасти колыбельку твою. / Баю-баюшки, баю-баю. // Тихая встала могила, / Крест над сыпучим холмом. / В мире почил, что было / Бурей, мечом и огнем, // Что сожгло колыбельку твою, / Баю-баюшки, баю-баю» [Малахиева-Мирович 2013, 79]), и «Колыбельная» 1920 г., посвященная Наташе Шаховской («Спит над озером тростиночка. / Спи, усни, моя былиночка, / Сладкогорький мой вьюнок, / Голубой мой ручеек...» [Малахиева-Мирович 2013, 114]).

Усыпительные императивные формулы есть и во взрослых поэтических текстах В.Г., например, в стихотворениях «Воет ветер неумный...» («Воет ветер неумный, / Бездорожный и бездомный, / Бьет и рвет железо с крыши. / Отвечает сердце: “Слышу”. / Это голос тьмы беззвездной, / Бесприютность тучи слезной, / Далей черное кольцо, / Смерти близкое лицо, / Эти стучи топора... / Тише, тише — спать пора» [Малахиева-Мирович 2013, 95–96]), «Я за тебя на страже полуночной...» («А ты усни, и пусть тебе приснится / В коротком сне меж грозных двух боев / Не острый свет, что в грудь мою струится, / С морозных звезд могучей смерти зов, / Но летний день, врата земного рая, /

Уют и мир любимого гнезда. / И пусть не я, пусть женщина другая / В коротком сне с тобой войдет туда» [Малахиева-Мирович 2013, 187–188]) и во втором стихотворении цикла «На Святках» из книги «Языческое» («Под окошком нет саней, / Только гривами коней / Веет ветер по степи. / Тише, сердце, тише. Спи» [Малахиева-Мирович 2013, 300]).

Есть у В.Г. и настоящий гимн сну: «Утешитель и целитель, / Низойди в мою обитель, / Благовестник сон. // На крылах твоих лилейных, / Ароматных, тиховейных, / В край твой унесен, // Да спасусь в твоих селеньях / От бессонного томленья, / От кошмаров дня, // Друг небесный, друг чудесный, / Легкокрылый, благовестный, / Унеси меня» [Малахиева-Мирович 2013, 290] (1930).

Сон в стихах В.Г. предстает и своей зловещей стороной, особенно в тех случаях, когда лирический герой больше ценит земное начало и повседневную жизнь больше, чем потусторонние торжествующие созвучия (цитируемое стихотворение напоминает описание Бурну): «Сквозь алый бредовой покров / Болезнь по комнатам ходила / (За нею взором я следила) / И семена бросала снов. // Из них мгновенно вырастали / Спиралью буйные листы, / И душно-пряные цветы / В кровавых гроздьях расцветали. // Чудовищный нездешний плод / В тумане знойном колыхался / И, полный яда, наклонялся / К лицу, кропя глаза и рот. // Но, бредовой сорвав покров / Мечом сурового усилья, / Душа свои раскрыла крылья / И к жизни вырвалась из снов» [Малахиева-Мирович 2013, 294–295] (6 мая 1922).

Но это редкий случай. В.Г. верит, что сон — это абсолютное благо, а бессонница, не дающая отстраниться от погрязшего в грехах мира, — абсолютное зло; но зло это имеет огромную силу: «Сон от глаз бежит. Бессонница / Ворожит над головой. / Уж наполнилась вся горница / Предрассветной синевой. // Притаившимися ликами / Жизнь раскинулась кругом. / Птица первая чирикнула / За окном. Зачем? О чем? / Голова от думы ломится. / Не осилить сердцу дум. / Наколдует мне бессонница / Суегливый утра шум» [Малахиева-Мирович 2013, 383] (28 июня 1931 г.).

Таким образом, «Заговоры» В.Г. вырастают не столько из реальной заговорно-заклинательной восточнославянской

традиции, сколько из такого «сора», как детские колыбельные песни, гностическая философия и традиционные поэтические формулы русского символизма. Понастоящему целительным этот коктейль делает харизма В. Г., ее витальность, не заглушаемая тоской о мире инобытия, ее, в конце концов, подлинная любовь к несчастным и страдающим людям (пусть количество и качество этой любви сама В. Г. постоянно ставила под сомнение). А также — неоспоримое художественное мастерство, которое далеко от стилизации, зато чрезвычайно близко к тем пластам народного творчества, которые смыкаются с индивидуальным поэтическим мышлением, допускающим разного рода эксперименты.

Магическая составляющая лирики В. Г. не исчерпывается «Заговорами». Не меньшее внимание В. Г. уделяла жанру молитвы, о которой оставила множество любопытных рассуждений в своих дневниках.

Так, в ноябре 1931 г. она доверяет дневнику ряд размышлений об автоматизации и гендерной дифференциации молитвенных формул: «Что такое молитва? Мне она понятна как таинственный акт (но без всяких книжек и славянских слов) общения души с Богом. Но непонятна как обязанность христианина каждый день (чужими словами) трафаретно что-то выпрашивать у Бога. Непонятны просительные молитвы, столь противоречащие единственной молитве, оставленной Христом, — “да будет воля Твоя”. Понятно прибегание к высшей силе в минуты слабости, опасности, боли, смерти. Но это утреннее и вечернее “помоги”, “спаси” в будничной оправе чаепития, причесывания, умывания — не уводит великое таинство молитвы к мертвому ритуалу. И менее всего понятно прибегание к “заступничеству” перед Богом со стороны Богоматери и святых. Тут невольно является представление о Боге как о грозном, недоступном для жалости тиране, который нуждается в том, чтобы ему льстили (потому сколько умиловительных и самоуничижительных слов в просительной молитве). И как наивно, и как по отношению к Богу неблагочестиво это представление о Его Матери, “в молитвах неусыпающей”, т.е. своим непрерывным женским, материнским влиянием старающейся удержать от кары и склонить

к милосердию жестокосердного царя — сына своего».

10 июля 1949 г. она фиксирует результаты своеобразной проверки своих молитв на предмет соответствия православным канонам: «В период религиозного подъема — 30 лет тому назад и еще раз позже — я написала (для себя исключительно) больше 50 молитв. Но лишь немногие из них удовлетворили меня, и я скоро к ним охладела. Когда я случайно показала их покойному владыке Димитрию, он сдержанно сказал, просмотрев их: “Что ж, ничего еретического в них нет”. — И прибавил: “Лучше молиться так, чем совсем не молиться”. И понемногу со мной случилось то, что он как будто бы предвидел (Вл. Д.). Свои 50 молитв в скитаниях моей странничьи-перелетной жизни я где-то потеряла (да, как выше сказала, и охладела к ним — в них явно не хватало высоты, чистоты и удачного оформления (молитвотворчества))».

Чрезвычайно любопытен рассказ В. Г. о бытовой изнанке того чудодейственного эффекта, который был вызван ее детскими молитвотворческими экспериментами: «...Когда родилась сестра Настя, мне было пять лет. Появление ее меня не очень заинтересовало, а через какой-то срок стало в тягостно, оттого что по временам меня заставляли укачивать ее. Помню до сих пор как нечто мне враждебное большую деревянную колыбель. Когда ее раскачивали, она скрипела, а под ней была низкая кровать, такая же деревянная, коричневая. Туда я прятала куски хлеба, которые не хотела есть ни за обедом, ни за чаем. И однажды это накопление сухарей с маслом было обнаружено, и я испытала в первый раз чувство позора. Почему-то мне казалось, что никто никогда не просунет руку между стенкой колыбели и низкой стеной кровати, над которой она качалась. И была уверенность, что это преступление останется безнаказанным. С полутемной комнатой, где стояла колыбель, соединено у меня воспоминание о чуде. Однажды мне было так невыносимо сидеть здесь одной над колыбелью сестры, которую мне поручили “закачать”, как это может быть трагически невыносимо в пятилетнем возрасте, когда на дворе солнце и детские голоса. И я стала молиться: “Господи, сотвори чудо” (формы молитв были известны от бабушки

и отца, как и понятие чуда). И вдруг через перегородку из светлой комнаты полетели ко мне орехи, миндаль и карамельки в цветных бумажках. Я немедленно в мистическом восторге рассказала об этом чуде Ане, которая, сотворивши его (она слышала мои молитвы), успела выйти на крыльцо и сделать вид, что она тут ни при чем» (31 октября 1937 г.).

Показательно, что В. Г. явственно ощущала разницу между молитвой, заговором и заклинанием. Последний жанр представлен в ее творчестве как полномасштабно, так и фрагментарно. Одно из стихотворений В. Г. так и называется — «Заклинание»: «Дрова переложены в клетку, / Их строгого лада не тронь. / Подложим основную ветку, / Работай, работай, огонь. // И вправо и влево кидайся, / Взлетай, расстилайся, расти, / Гори, моя жизнь, разгорайся / И в пламень меня обрати» [Малахиева-Мирович 2013, 145] (11 марта 1926 г.).

Заклинания В. Г., не всегда снабженные аутентичным жанровым подзаголовком, обнаруживают большое сходство с типично символистскими литературными заклинаниями, которые не столько воссоздают реальные магические формулы, сколько рисуют стандартизованные картины колдовских действий и нагнетают мистически-тревожную атмосферу. Примером здесь может служить написанное в 1913 г. стихотворение «Кипят мои наговорные травы...» («Кипят мои наговорные травы, / Обступает несметная рать. / Сумрачно-сладкой отравой / Наступает мой час колдовать...») [Малахиева-Мирович 2013, 33]), очень похожее на стихотворение Александра Кондратьева «Заклинание» из сборника «Черная Венера» [Кондратьев 1909, 31–32].

Демаркационная линия, отграничивающая заклинания В. Г. от ее же заговоров и молитв, проходит через отношение к помощи сверхъестественных сил. Если в молитвах и заговорах эта помощь принимается, то в заклинаниях, наоборот, отвергается в пользу иных способов преобразования действительности. Такой отказ провозглашается, например, в лирическом отречении, включенном в датированную 1921 г. книгу «Языческое» («Ведовских даров не хочу я, / Ни узорочья, ни обаяния. / Жизнь обморочить, колдунью злую, / Нет у меня желанья. // Сеть обманов, утрат и позоров / Сплетает пусть невозбранно. /

Сеть разорвет и развеет скоро / Мара-Морена-Маряна» [Малахиева-Мирович 2013, 301]), в написанном годом позже заклинательноподобном стихотворении «Голубая ночь баюкает в небе сонную звезду...» («Протянула струны тонкие / К сердцу, вспыхнувши, звезда, / Под кустом блестит, сторонкою / Наговорная вода. // Не нужны мне заклинания, / Никого не позову. / В звездной песне и в молчании — / Долгий век мой проживу» [Малахиева-Мирович 2013, 126]) и в стихотворном посвящении 1924 г. брату Николаю («Могла бы тайным заклинаньем / Твой дух из ночи я воззвать, / Но разлюбила я гаданье / И разучилась волхвовать. // Все нити жизни, что держала / Я странной волею судеб, / Душа однажды разорвала, / Поняв, что путь мой нищ и слеп. // И всех, кто мог идти за мною / Лишь в слепоту и нищету, / Я увела бы за собою. / И вновь отвергла я тщету. // И лишь молитвенным касаньем, / Бесправным, робким, чуть живым, / Тебя ищу я там, за гранью, / Где образ твой исчез, как дым» [Малахиева-Мирович 2013, 136]).

Попадают в стихах В. Г. и осколки традиционных заговорно-заклинательных мотивов, подчас инверсированные и редуцированные. К примеру, в стихотворении «Лестница моя шатается...» (1915) находим инверсию традиционного мотива «Святые на страже»: «Ангелы мои хранители, / Святые стрелы огня! / Не достойна я вашей обители, / Покиньте меня...» [Малахиева-Мирович 2013, 50]. Но у В. Г. есть и традиционное выражение данного мотива, относящееся уже к более позднему, послереволюционному периоду: «Небожитель, ангел мой хранитель, / Грустный лик склоня, / Не спеши в надзвездную обитель, / Не покинь меня. / Сбереги надежду на спасенье / Гибнущей души. / Будь со мной в земном моем томленьи, / Не спеши» [Малахиева-Мирович 2013, 232–233] (22 сентября 1930 г.).

Не проходит В. Г. и мимо простейших, односложных заклинательных формул («Гьфу!», «Чур!», «Сгинь!»), знакомых буквально каждому человеку и почти полностью перешедших в сферу обыденной речи. Такова элементарная заклинательная формула в стихотворении «Не схожу ли я с ума?..» (его героиня заблудилась в лесу): «И русалки хохот злой. / За туманами реки / Над болотистой землей, /

Зеленеют огоньки // И порхают, и блестят, / Душу в топь свою маня. / Вспыхнул искрой чей-то взгляд. / Чур меня!» [Малахиева-Мирович 2013, 165] (17 июня 1930 г.).

Присутствует у В. Г. и убежденность в том, что сама художественная литература, поэзия, особенно в некоторых своих образцах, обладает подспудной магической силой. Так, изображая обстановку в комнате Шуры Добровой, наверняка павшей жертвой большевистского квартирного уплотнения, она не забывает охарактеризовать ту ауру волшебства, которую, будучи просто расставленными на книжных полках, продуцируют дореволюционные издания символистов и декадентов: «Бердслей, Уайльд и Боделэр / В твоём лилово-синем гроте / Своих падений и химер / Курят куреньем приворотным...» [Малахиева-Мирович 2013, 116] (1920). Наличие «магии слова» она отмечает и в стихах Даниила Андреева.

Но, безусловно, самое интересное в магических экспериментах В. Г. — это нарушение традиционных связей между словом и делом, перекодировка одной формы отображения действительности в другую.

Сюда, например, можно отнести практиковавшееся В. Г. мысленное начертание заклинательных знаков. О них она поведала в дневниковой записи от 10 марта 1933 года, посвященной перспективам матримониального обустройства судьбы Даниила Андреева: «Вчера, когда Даниил читал стихи и я видела, как Вера (Вера Дмитриевна Кузьмина. — А. К.) слушает — и слышит его, во мне опять возникло сватовское настроение. Захотелось, чтобы они соединили свои жизни и дали друг другу счастье. И — смешно, а надо и покаяться: не успев довести до сознания своего то, что я делаю, я мысленно начертила три заклинательных знака (не знаю даже, откуда они). Из тех, о которых я когда-нибудь слышала или читала, я ничего не запомнила. Так неистребимо сильны во мне мои предки-кудесники. Между прочим, сознательно, обдуманно я ни разу в жизни не сделала ни в каких случаях своей и чужой судьбы такого кудеснического внутреннего движения. Но бессознательно они, вероятно, вырывались у меня. Впрочем, это трудно проверить».

С мысленными начертаниями заклинательных знаков связано уникальное умение В. Г. преобразовать боль в различные

звуковые и визуальные образы, которые, возникая в ее воображении, начинали функционировать в качестве мощного терапевтического средства.

«Лично мне доступно было во время сильной зубной боли, — записывает в дневник 1 марта 1943 г. В. Г., — превращать ее в музыкальные созвучия. Боль прохождения камней в печени перемещалась в образ растущего, углубляющегося в каменистую почву дуба (этот же образ уже сам появлялся и при зубной боли и заступал понемногу ее место). Ушная боль и другие невралгические боли ощущались синим пространством сгущающейся тучи, прорезанной молниями, которая понемногу становилась электрическим покрывалом — голубым, влажным, спокойным. И т. д. Боль психического ранения, кроме первых трех способов, удавалось заморозить каким-нибудь чудным воображаемым пейзажем или представлением физического страдания мучеников (тут перевод боли психической на физический план, где она этим облегчается, потому что душевная боль неизмеримо сильнее по воздействию на душу, чем боль физическая). Этот способ и успешность его, как и чисто религиозное борение, я всецело отношу к моим предкам-художникам, а последний (религиозный) — к отшельнику-пещернику деду отца Малахии, чью фамилию ношу».

Крайне любопытно, что замещение зубной боли проходило у В. Г. посредством визуализации изображения дуба. Вряд ли это можно считать простой случайностью, поскольку образ дуба является постоянным атрибутом восточнославянских заговоров от зубной боли. Резюмируя свои наблюдения над ними, Т. Агапкина подчеркивает: «Дерево (прежде всего дуб) последовательно воспринимается как символ крепости (в том числе крепости зубов), что находит отражение в лечебной практике. На Гомельщине, читая заговор от зубной боли на молодом месяце, держались за дубовый столбик <...>; в Воронежской губ. произносили заклинательную формулу *Дуб, вылечи мой зуб, а я тебя спрячу — никто не найдет*, прикусывая больным зубом сук на дубе <...>. Тема крепости дуба и его нечувствительности к боли проходит и через заклинательные формулы, в которых зубы человека постоянно сравниваются с дубом, его сучьями, корнями: <...> *Щоб так зуб, як дуб* (киев.) <...>. Впрочем, часто в заклинательных

формулах, читаемых от зубной боли, просто присутствует образ дуба как символ крепости и здоровья: *Дубище, возьми свое зубище <...>*» [Агапкина 2010, 467].

В целительных видениях В. Г. дуб растет не просто из земли, а из особого рода почвы, важнейшим свойством которой является «каменистость». Это вполне согласуется с тем постоянным союзом камня и дуба, который характерен для словесной магии восточных славян. «Не меньшее место в заклинательных формулах, произносимых при зубной боли, — продолжает Т. Агапкина, — занимает и образ камня. На зубы проецируется крепость камня, его устойчивость, а также нечувствительность к боли: *На гори дуби, в долині камінь. Хай мої зуби сплять як камінь <...>*» [Агапкина 2010, 467].

Следовательно, создание В. Г. мысленного образа дуба, вырастающего из каменной почвы, можно уподобить записи заговора от зубной боли не с помощью букв и слов, а с помощью воображаемых пиктограмм. Такой способ воздействия позволяет нейтрализовать оппозицию устного и письменного, чувственного и воображаемого, логоса и эйдоса.

Подытоживая сказанное, стоит привести стихотворную самоаттестацию, написанную В. Г. 2 июля 1928 г.:

Я не рыцарь, я не пахарь,
Нет меча и плуга нет
У меня. Я только знахарь
И кочующий поэт.

В тайники судеб прозренья
Дар таинственный мне дан,
И недугов исцеленье,
И елей для сердца ран.

Но я плохо трав искала,
Но разлит святой елей,
И когда мне жить сначала
Вновь придется меж людей —

Я даю обетованье
Разыскать им трав таких,
Чтобы с радостью страданье,
Как во мне, слилось и в них
[Малахиева-Мирович 2013, 327].

Публикация стихов и дневников В. Г. — верный знак того, что она, давно покинув этот мир, не перестала жить среди людей. И если данное ею «обетованье» и не исполнится, любой, кто обратится к изучению ее наследия, получит редкую возможность увидеть, как в нем причудливо слилось аутентичное фольклорное начало и самобытное художественное творчество.

Источники и материалы

Веселовский 1940 — *Веселовский А. Н.* Из введения в историческую поэтику (1893) // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. С. 53–72.

Кондратьев 1909 — *Кондратьев Ал.* Стихи. Книга вторая: (Черная Венера). М.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909.

Малахиева-Мирович 2013 — *Малахиева-Мирович В. Г.* Хризалида: Стихотворения. М.: Водолей, 2013.

Малахиева-Мирович 2015 — *Малахиева-Мирович В. Г.* Маятник жизни моей... Дневник русской женщины. 1930–1954. М., 2015. URL: https://royallib.com/book/malahievamirovich_varvara/mayatnik_gizni_moey_19301954.html (дата обращения: 02.06.2020).

Исследования

Агапкина 2010 — *Агапкина Т. А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010.

Войскунский 1982 — *Войскунский А. Е.* Я говорю, мы говорим... Очерки о человеческом общении. М.: Знание, 1982.

Жолковский, Щеглов 1996 — *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* Работы по поэтике выразительности: Инварианты — Тема — Приемы — Текст. М.: Прогресс: Универс, 1996.

Жолковский, Щеглов 2016 — *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* *Ex ungule leonem*: Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Кнорозов 2018 — *Кнорозов Ю. В.* К вопросу о классификации сигнализации // Кнорозов Ю. В. Избранные труды. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 28–38.

Нешумова 2013 — *Нешумова Т.* Поэтический мир В. Г. Малахиевой-Мирович // Малахиева-Мирович В. Г. Хризалида: Стихотворения. М.: Водолей, 2013. С. 482–507.

Шрейдер 1974 — *Шрейдер Ю. А.* Логика знаковых систем. М.: Знание, 1974.

© А. В. Коровашко, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коровашко А. В. <https://orcid.org/0000-0001-7623-3888>

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского: Российская Федерация, 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37; тел.: +7 (831) 433-82-45; e-mail: welt20062@yandex.ru

“A Healer and a Wandering Poet”: The Spells, Incantations and Prayers of Varvara Malakhieva-Mirovich

Aleksey V. Korovashko

(Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod:
23, Gagarin ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation)

Summary. *This article examines the poetic legacy of Varvara Malakhieva-Mirovich (1869–1954) and in particular the poetic texts that she intends as fully identical in terms of functionality with actual Eastern Slavic spells and incantations. At the same time, the study establishes that Malakhieva-Mirovich positioned herself not only as a lyric poet who remained faithful to the artistic canons of the Silver Age but also as direct heir to the “Pskov magicians” who once practiced various types of magic rituals and were said to possess definite supernatural abilities. A similar antinomy serves as the regulatory principle of Malakhieva-Mirovich’s entire oeuvre, which nullifies traditional oppositions such as low and sublime, spoken and written, folkloric and bookish, intuitive and discursive. Malakhieva-Mirovich’s poetic spells tend to a single plot (the protagonist’s movement to a state of healing sleep); operate with stable formulas of magic folk poetry; reveal an affinity to the genre of lullaby; and actively use the figurative system of Russian Symbolism. At the same time, in the poet’s artistic consciousness poetic spells are clearly distinguished from such related genre forms as prayers and incantations. Malakhieva-Mirovich’s incantations have minimal contact with folklore and come as close as possible to Symbolist literary efforts. However, even in cases where the poet’s verbal magic experiments do not resemble authentic spells, they fully retain their suggestiveness and ability to exert a fascinating (enchanted) effect.*

Key words: spell, incantation, prayer, magic, symbolism.

Received: June 3, 2020.

Date of publication: September 25, 2020.

For citation: Korovashko A. V. “A Healer and a Wandering Poet”: The Spells, Incantations and Prayers of Varvara Malakhieva-Mirovich. *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 3. Pp. 95–107. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.3.008>

References

Agapkina T. A. (2010) Vostochnoslavjanskije lechebnye zagovory v sravnitel’nom osveshchenii. Syuzhetika i obraz mira [East-Slavic Medical Charms in a Comparative Light: Plot Material and Image of the World]. Moscow: Indrik. In Russian.

Knorozov Yu. V. (2018) K voprosu o klassifikatsii signalizatsii [On the Issue of Classifying of Signaling]. In: Knorozov Yu. V. Izbrannye trudy [Selected Works]. St. Petersburg: MAE RAN. Pp. 28–38. In Russian.

Neshumova T. (2013) Poeticheskii mir V.G. Malakhievoi-Mirovich [The Poetic World of V.G. Malakhieva-Mirovich]. In: Malakhieva-Mirovich V.G. Khrizalida: Stikhotvoreniya [Chrysalid: Poems]. Moscow: Vodolei. Pp. 482–507. In Russian.

Shreider Yu. A. (1974) Logika znakovykh sistem [The Logic of Sign Systems]. Moscow: Znanie. In Russian.

Voiskunskii A. E. (1982) Ya govoryu, my govorym... Ocherki o chelovecheskom obshchenii [I Say, We Say... Essays About Human Interaction]. Moscow: Znanie. In Russian.

Zholkovskii A. K., Shcheglov Yu. K. (1996) Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty — Tema — Priemy — Tekst [Works on the Poetics of Expressiveness: Invariants — Theme — Devices — Text]. Moscow: Progress. In Russian.

Zholkovskii A. K., Shcheglov Yu. K. (2016) Ex ungule leonem. Detskie rasskazy L. Tolstogo i poetika vyrazitel'nosti [Ex ungule leonem: L. Tolstoy's Children's Stories and the Poetics of Expressivity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. In Russian.

© A. V. Korovashko, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Korovashko <https://orcid.org/0000-0001-7623-3888>

E-mail: welt20062@yandex.ru

Tel.: +7 (831) 433-82-45

37, Bolshaya Pokrovskaya str., Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation

DSc in Philology, Professor, Department of Russian Literature, Institute of Philology and Journalism, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
